

**ОБ ИМЕНИ АЛАН САЛТОВО-
МАЯЦКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

Карпенко А.А.

Научный руководитель – ассистент Четырина Н.А.

Институт переподготовки и повышения квалификации

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Затянувшиеся на первую половину XX века споры об этническом составе населения верховьев Дона, Северского Донца и Оскола VIII-IX вв. и проблема идентификации жителей этого региона - носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой археологической культуры (СМК)- с помощью археологических данных, на долгое время отложили выяснение вопроса о происхождении его в регионе и об его имени в источниках. Спор фактически прекратила только диссертация Н.Я. Мерперта, указавшая на неприемлемость шведской, хазарской и угорской и иных версий. Ныне материалы антропологии однозначно свидетельствуют об его аланской этнической принадлежности, а близость археологической культуры лесостепи к аланам Северного Кавказа, отмеченная ещё в начале XX века, за прошедший век многократно подтверждалась.

Очень важным представляется решение вопроса об имени алан СМК на основе комплексного анализа всех имеющихся данных. При современном состоянии письменных источников практическое решение данного вопроса невозможно без привлечения данных археологии. Несмотря на то, что непосредственное происхождение лесостепного варианта салтовской культуры долгое время оставалось дискуссионным, все наиболее распространённые гипотезы последнего полувека вынуждены считаться с единым общим положением об антропологической близости салтовцев с аланской средой предгорий Кавказа. В настоящее время лишь при активном использовании данных археологии можно попытаться объяснить причины, вынудившее осёдлое население предгорий Кавказа покинуть обжитые земли и двинуться через опасные степи на север.

Среди ряда версий наиболее доказательной представляется та, которая рассматривает салтовцев как выходцев с Северного Кавказа. Выдвинута она была ещё А.А. Спицыным и стала распространённой в науке, во многом, благодаря усилиям С.А. Плетнёвой. Она и её последователи опираются на следующую аргументацию. Во-первых, на Донце и верхнем Дону пока широко не представлены памятники предшествующего периода – V - VII вв., которые в комплексе являлись бы переходной ступенью к Салтовскому могильнику. Долгое время, несмотря на достаточно большой объём археологических находок, они не были обнаружены вообще. Во-вторых, катакомбные погребения, характерные для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры на его будущей территории, в отношении предшествовавшего периода массово не обнаружены. В-третьих, даже самые ранние вещи конца VII – первой половины VIII в. встречаются, как правило, в катакомбах IX в., то есть в катакомбах поздней группы. Отсутствие вещей конца VII – первой половины VIII в. в ранней группе катакомб, то есть в группе второй половины VIII в., косвенно свидетельствует о более поздней дате переселения алан, чем казалось исследователям первоначально.

Поэтому очевидным оказывается то, что лишь, когда объём военных, торговых и производственных связей нового населения с окружающим миром возрос, тогда к аланам и стали попадать ранние монеты и воинские пояса.

Археологические данные дают основания говорить о следующем. В VIII в. на Дон вернулась та группа алан, которая в начале нашей эры, то есть, за несколько веков до того, уже обитала в Донском регионе. В период с V по VIII вв. эти аланы вынуждены были скрываться от гуннского нашествия в горах, присоединившись к ранее обитавшим там своим сородичам. Поэтому не стоит недооценивать вероятности существования у кавказских алан преданий, рассказывавших о могуществе их предков, располагавшихся в период I–IV вв. н. э. между Доном и Волгой и терроризировавших окрестные народы.

Многие исследователи, начиная с Н.Я. Мерперта, сомневались в прищлости поздних донских алан. Причиной тому послужило большое сходство материальной культуры салтовских алан с культурой предшествовавших скифо-сарматов. Это сходство объяснялось исследователями не только их генетической связью, но и территориальной непрерывностью их культур, в отношении которой впоследствии возникли большие сомнения. Позже выяснилось, во-первых, что культура западной группы кавказских алан, генетически связанная с салтовцами, прервалась в середины VIII в., то есть одновременно с основанием салтово-маяцкой. Во-вторых, сходство культуры западных алан с культурой скифо-сарматов начала нашей эры оказалась не просто значительно большим, чем сходство культуры скифо-сарматов с культурой восточных алан, но и большим, нежели чем сходство культуры самих салтовцев с теми же предшествующими культурами скифо-сарматов. Это заставило усомниться в наличии скопления алан на Дону в предшествующий салтово-маяцкому период. Это подразумевает участие в формировании салтовцев неаланских и, скорее всего, иранских этнических групп, живших на этой и сопредельной территориях в период нескольких веков отсутствия алан. Эти группы, очевидно, славянского и тюркского происхождения.

Наиболее близкими салтовцам являются катакомбные могильники Кисловодской котловины – по инвентарю, и могильник Мокрая Балка (также вблизи Кисловодска) – по форме погребения. Аланские надписи, найденные в окрестностях Кисловодска, идентичны надписям Подонья как палеографически, так и лингвистически. Они соответствуют ясскому диалекту, синкретизму дигорского с иронским (дигорон, ирон – самоназвание осетин). К «местным» иранцам относятся и население, оставившее самый богатый катакомбный могильник Кавказа – Мошевую Балку в Карачаево-Черкесии. У носителей лесостепного варианта СМК и у алан Кавказа были очень популярны изделия из балтийского инвентаря – амулеты с солярной символикой и бусы, которые датируются концом VIII – первой третьей IX вв. Скопления янтарных бус встречаются в районе Кисловодска.

Катакомбные могильники в районе Кисловодска появились ещё в I в. н. э. и существовали непрерывно до VIII в. включительно. Особенно бурным был прирост их количества в V–VII вв. Он был вызван расцветом аланской культуры и притоком населения с Дона. К VII в., по данным археологии, происходит перенаселение этого региона, и количество катакомб резко увеличивается, сопровождаясь появлением вещественных материалов салтовской культуры. В VI - VII вв. н.э. в горах Северного Кавказа усиливается земельная густота населения и непрерывно с нею связанная

земельная теснота, вызванная продолжающимся натиском со стороны степных тюркских племён.

Ещё по свидетельству Птолемея, цитируемого Г.В. Вернадским, среди жителей степей между Доном и Волгой указывались – «асы», обитавшие непосредственно перед «северным поворотом реки Танаиса». Те же люди в начале н. э. в I-IV вв. подразумевались греками под именем «асии», «асэи», «ассэи». «Ясами» называли и русские летописцы ираноязычных обитателей Подонья, живших там спустя пять веков - в X - XII в. Но поразительно, что аланы лесостепи в период VIII-IX вв. асами-ясами не назывались. Аутентичные письменные источники не упоминают алан-асов среди народов, обитавших в лесостепи между Доном и Донцом. Причём это касается не просто в периода V-VII вв., но и последующего периода - VIII-IX вв.. Последнее обстоятельство заставило некоторых исследователей предположить, что салтовские аланы на время переняли новое самоназвание у одного из пришлых народов, населявших эти земли в V-VII вв. Возникло несколько версий наиболее реалистичные из которых две идеи: 1. о том, что салтовцы подразумеваются под буртасами (Г.Е. Афанасьев) или же 2. под русами (Д.Т. Березовец, Е.С. Галкина).

Начальную дату возвращения основателей салтово-маяцкой археологической культуры на Дон С.А. Плетнёва связывает с походом арабов на Предкавказье в 30-е гг. VIII в., в результате которых аланы, болгары и хазары откочевали и переселились в донские и поволжские степи. Появление в VIII в. в пограничье лесостепи и степи осёдлого населения, оставившего салтово-маяцкую культуру, может быть объяснено как результат выселения или переселения племён алан из центральной части Северного Кавказа. До VII – VIII вв., когда в степях и пограничных районах происходило сильное движение кочевников, - сначала гунно-болгарских племён, а затем – аваров – осёдлое население юго-востока могло обитать лишь за границами степи, куда кочевники если и проникали, то редко. Около VII в. движение кочевников в южнорусских степях ослабело, что и развязало руки осёдлым аланам.

Некоторые исследователи, в частности, В.А. Кузнецов, даже последовавшую миграцию алан на Дон считали результатом продвижения в район Кисловодской котловины болгарских групп, вытеснивших оттуда алан.

С.А. Плетнёва в 1967г. предположила, что аланское население вынуждено было покинуть разорённые предгорья в середине VIII века, то есть в период арабо-хазарских войн, в который аланы были нередко союзниками хазар. По мнению учёного, длительная война с арабами тяжелее всего отразилась на экономике именно хазар и алан. Поэтому уже в период войн началось постепенное движение алан, болгар и самих хазар на север - на широкие и обильные пастбища волжских, донских и донецких степей и в лесостепь.

Дополнили эту версию на анализе археологического материала из Дмитровского, Салтовского и Маяцкого могильников, появившихся в верховьях Дона и Северского Донца не ранее второй половины VIII в. А.В. Гадло (1985г.) и Г.Е. Афанасьев (1993г.). Аланы, по их мнению, были переселены сюда хазарами целенаправленно для создания пограничного заслона на северо-западе против носителей роменско-боршевской культуры.

Ещё Артамонов заметил, что на Северском Донце некоторые поселения салтовцев располагались там, где ранее жили славянские племена пеньковской культуры, известные византийцам VI – VII вв. как анты. Аланы, переселившись на Дон,

сразу же вступили в контакт с местными славянами, что отразилось и на материальной культуре. Установлено, что восточноевропейская полужемлянка восходит к славянскому жилищу. Эта конструкция была в VIII вв. заимствована аланским населением лесостепного варианта СМК и уже в IX в. воспринята у него праболгарами и другими тюрками, вступившими в стадию осёдлости.

Начальный этап расширения антского ареала на восток, по свидетельству С.В. Алексеева, нашёл отражение и в европейских письменных источниках. Кассиодор, например, в первых десятилетиях VI в. ограничивал антские земли на Востоке Днепром. Иную картину находим у Прокопия Кесарийского в середине VI в. Отражая ситуацию около 550 г., он помещает «бесчисленные племена антов» к северу от приазовских утигур, то есть, в глубине Левобережного Поднепровья. Арабский писатель Ибн Асам ал-Куфи в начале X в. в своей «Книге завоеваний», повествуя о походе в 735 году арабского полководца Мервана, отметил, что последний двинулся по правому берегу Волги на север, дошёл до славянской реки, в которой исследователи на наш взгляд не совсем оправданно видят нижний Дон, и увёл оттуда 20 тысяч семей «славян». На самом деле, двигаясь по берегу Волги, хазары могли достигнуть Дона не раньше его излучины, а потому должны были достигнуть именно его верховьев.

По косвенным данным арабских, хазаро-персидских и византийских источников прослеживается следующий путь славян на юго-восток: Днепр – Левобережье Днепра – Верховья Дона и Донца. В то же время, вглубь донских степей на Дону славяне в VI - середине VIII вв., по-видимому, не заходили. Правда такая активность славян не могла не беспокоить степных хазар. Не стоит полностью сбрасывать со счетов то обстоятельство, что аланы двигались на север до тех пор, пока не достигли местности, весьма напоминающей привычные отроги Кавказских гор: правый берег рек по всей лесостепи высокий и гористый, левый плоский, богатый высокой травой.

Переселение алан, таким образом, было в тот период выгодно если не всем, то многим. Даже при отсутствии письменных источников вскрывается целый комплекс его причин. Последующее многовековое соседство и сотрудничество со столь высокоразвитым соседом оказало благоприятное влияние на славян, поскольку оно привело к усилению классообразования у юго-восточной его ветви. В середине VIII в. появление в степи земледельческого аланского населения привело к тому, что донские и приазовские кочевники стали активно оседать на земле. Массовый переход кочевников к земледелию и ремесленному производству положил начало формирования салтово-маяцкой культуры.

Безусловно, появление будущих салтовцев на Дону не могло не изменить этнические и геополитические реалии в регионе. Очевидно, что те же процессы привели к взаимодействию алан со славянами и претензиям на совместное политическое отделение от Хазарии. Это тем более вероятно, если учесть, что вследствие арабо-хазарских войн могущество хазар в тот период начало стремиться к закату. К сожалению, данные археологии не были способны самостоятельно прояснить ситуацию, а письменные сведения о донских аланах требуют глубокой исследовательской работы. Усиление алан на Дону каким-то магическим образом, казалось бы, оказалось незамеченным современниками. В этом плане, наиболее перспективной кажется версия, выдвинутая Д.Т. Березовцом и серьёзно в последнее время аргументированная и защищаемая Е.С. Галкиной. Согласно этой версии, в ряде восточных источниках донские аланы этого периода отразились под наименованием русов.